

Царапина у Сэй появилась на четвёртом часу в глуине Разлома.

Рыхлая скала, неуверенный шаг и предательство бейсбольной биты, которая в критический момент предпочла резонировать, а не защитить.

Край камня полоснул её по предплечью, оставив кровавую полосу длиной сантиметра в три. Неглубокую, но достаточную для того, чтобы тёмно-фиолетовые узоры на рукояти запульсировали с бешеной силой, словно пробуждённый запахом крови зверь.

Когда она вернулась на базу Дикого Огня, Наташа уже ждала её у входа в медпункт.

Не потому, что её предупредили. Сработала некая предчувствующая интуиция, словно у врача есть врождённый радар на ранения.

Белый халат Наташи в полумраке базы походил на выбеленное знамя, тёмно-зелёные длинные волосы были собраны на затылке, а кончик заколки — тот самый плоский, напоминающий модифицированный медицинский инструмент — едва заметно мерцал в воздухе.

— Заходи, — сказала Наташа, не спрашивая, что случилось и где она пропадала, — Полный осмотр.

— Всего лишь царапина.

— Полный осмотр.

Сэй последовала за ней в медпункт, дверь за их спинами захлопнулась с глухим стуком.

Запах дезинфицирующего средства в воздухе стал сильнее, чем три дня назад, напоминая барьер, скрывающий что-то.

Склянки и баночки в углу переставили заново, этикетками в одну сторону.

— Садись, — Наташа указала на операционный стол, — Снимай куртку.

Сэй подчинилась.

Бейсбольная бита лежала поперёк коленей, и четыре узоры в холодном свете медпункта походили на четыре дышащие звезды.

Наташа сняла с пояса стетоскоп, серебристая мембрана блеснула в свете лампы.

— Пульс учащённый, — произнесла Наташа, скользнув стетоскопом по груди Сэй, — Чаше, чем три дня назад. Где ты была?

— В Разломе.

— Одна?

— Одна.

Стетоскоп Наташи на мгновение замер.

Эта пауза была настолько незначительной, что её почти невозможно заметить, но бейсбольная бита Сэй уловила её: все четыре узора запульсировали одновременно, словно внезапно ускорившееся сердце.

Некий «оттенок эмоций» хлынул от Наташи и был перехвачен и расшифрован тёмно-фиолетовыми узорами — глубокий фиолетовый.

Темнее и гуще, чем три дня назад, словно сгущающиеся сумерки, подбирающиеся к полуночи.

На поверхности — мягкий, почти лавандовый бледно-фиолетовый, словно улыбка врача, словно невозмутимость лидера.

В глубине — более насыщенный, похожий на спелый виноград фиолетовый, несущий в себе нечто подавляемое, бродящее...

А ещё — то, чего Сэй никогда раньше не «видела», — алый.

Словно запекшаяся кровь, словно затаённая ненависть погребённого пламени.

Но на самом дне...

Сердце Сэй пропустило удар.

Самое дно было чистокровно-белым.

Не пустой белый, не холодный белый — это была некая очищенная, словно укрытый первым снегом пепелище, полная печали и нежности искупительная белизна.

Эта белизна говорила: я видела слишком многое, я вынесла слишком многое, я продолжаю

идти не потому, что сильна, а потому, что...

Потому что кто-то всё ещё нуждается во мне.

Стетоскоп Наташи скользнул прямо к сердцу Сэй.

Бейсбольная бита внезапно издала резонирующий звук.

Не лёгкая дрожь, а гул, похожий на натянутую до предела струну.

Четыре узора вспыхнули одновременно: бледно-голубой цифровой след, прозрачный кристаллический след, тёплое сияние золотых узоров и глубина тёмно-фиолетового сплелись в небывалое, почти ослепительное сияние.

Движения Наташи окончательно замерли.

Её глаза — те глаза, что казались старше её лица, похожие на истрёпанные от частовёртывания страницы книг — уставились на зрачки Сэй, в самую глубину зрачков той сероволосой девушки, которая в этот момент что-то «видела».

— Ты можешь... — голос Наташи упал, зазвучав так, будто она говорила сама с собой, — видеть?

— ...Видеть что?

Встречным вопросом ответила Сэй, однако в её голосе не было уверенности.

Её пальцы сжались на бейсбольной бите, сияние четырёх узоров угасало, как прилив, отступивший от песка, но ощущение, что её «увидели», всё ещё витало в воздухе.

Наташа убрала стетоскоп.

Выражение её лица претерпело полную перестройку: от потрясения человека, которого застали врасплох, до докторской невозмутимости и тщательно просчитанной маски с ровно выверенной улыбкой.

Но в самой глубине продолжала пульсировать чистая белизна, словно зарытое в каменной толще семя, что медленно прорастает в темноте.

— Ничего, — бросила Наташа и направилась к инструментальному столику, — Резонанс стетоскопа. Старое оборудование, обычное дело.

Однако её движения изменились.

Сэй заметила: её правая рука потянулась к столику, и скальпель, который обычно лежал наготове — тот самый спрятанный в рукаве складной смертоносный клинок, способный в любой момент скользнуть в ладонь, — был отложен в сторону, а вместо него она взяла инструмент поменьше.

Не ланцет, а что-то более тонкое, напоминающее микрохирургический инструмент для операций на глазах.

— Ветер Белобога, — внезапно заговорила Наташа, и её голос звучал так, будто доносился издалека, — это энергия, утекающая из Звездного ядра, она оказывает на женщин некое «катализирующее» воздействие.

Она повернулась, и микроскальпель в её руке закрутился, словно тщательно оберегаемая шахматная фигура, назначение которой ещё не решено.

— Ты, — взгляд Наташи упал на Сэй, а в голосе прозвучало предупреждение, — носитель Звездного ядра, и ты тоже женщина.

Сэй замерла.

— Так значит, тёмная материя — это...

— «Усиленное Звездным ядром стремление к узам».

Улыбка Наташи не изменилась, но в её глазах что-то мелькнуло — не чистая белизна, не алый цвет, а нечто среднее между ними, предупреждающее.

— Будь осторожна, — произнесла она, вращая микроскальпель на кончиках пальцев, словно опасную, танцующую бабочку, — Это заставит тебя «видеть» то, чего видеть не следует.

— Что именно не следует видеть?

— Чужие секреты, — ответила Наташа, — Собственную правду. А ещё... — она сделала паузу, устремив взгляд в угол медпункта, где стоял накрытый белой тканью предмет, похожий то ли на зеркало, то ли на окно, — А ещё — тех «других версий самих себя».

Сэй вспомнила видения из глубин Разлома.

Бесчисленные женские силуэты, держащиеся за руки, и сероволосая фигура впереди,

оглядывающаяся назад — это была другая версия её самой, в форме в стиле Белобога, среди бушующей белой бури...

— Тёмная материя — не катализатор, — произнесла Сэй, и её голос звучал ровнее, чем она ожидала, — Это зеркало. Оно позволяет нам увидеть... то, чего мы по-настоящему хотим.

Микроскальпель в руке Наташи замер.

Её тёмно-фиолетовая аура бурно заволновалась в воздухе, как поверхность озера, в которое бросили камень.

Алый оттенок в глубине на мгновение вспыхнул, словно внезапно освещенное пламя, ищущее выход — а затем был поглощен чистой белизной, словно снег засыпал огонь, словно тишина накрыла...

— Возможно, — голос Наташи звучал так тихо, будто она рассуждала про себя, — возможно, ты права.

Она положила микроскальпель обратно на столик и повернулась к ране Сэй.

Её движения вновь обрели профессиональную невозмутимость врача, словно только что состоявшегося разговора никогда и не было.

Дезинфекция, промывание, наложение швов, перевязка — каждый шаг был выверен с точностью до миллиметра, напоминая тщательно заученный ритуал, призванный что-то скрыть.

— Придешь на перевязку через три дня, — сказала Наташа, — И...

Она на секунду умолкла, её взгляд упал на бейсбольную биту Сэй.

Четыре узора в холодном свете медпункта походили на четыре дышащие звезды, а в самой глубине пульсировал тёмно-фиолетовый цвет.

— И, — повторила Наташа тише, чем прежде, — никому не говори... что ты можешь «видеть».

— Почему?

— Потому что, — улыбка Наташи оставалась прежней, но чистая белизна в глубине блекнула, как смытые водой чернила, — в этом городе тех, кто «видит»... ждет «утилизация».

Она развернулась, и полы её белого халата рассекли воздух, словно полотнище знамени, скрывающего за собой что-то.

Дверь медпункта открылась за её спиной, впуская шум суетящейся базы.

— Наташа, — окликнула Сэй.

Женщина с тёмно-зелёными волосами остановилась в дверях, не оборачиваясь.

— Твоя чистая белизна, — произнесла Сэй, — прекрасна. Она прекраснее тёмно-фиолетового. Прекраснее алого.

Спина Наташи на миг напряглась.

А затем, не задерживаясь ни на секунду, она растворилась в полумраке коридора базы.

Край белого халата мелькнул за поворотом, словно порхающая и угасающая бабочка.

Сэй опустила взгляд на перевязанную рану и на лежащую на коленях бейсбольную биту.

Четыре узора в холодном свете медпункта сияли, как четыре звезды, обучающиеся искусству диалога.

— Усиленное Звездным ядром стремление к узам, — повторила она эту фразу, — Значит, ветер Белобога...

Она закрыла глаза, позволяя ряби разойтись от рукояти биты.

Стены медпункта были слишком тонкими, чтобы удержать это — она «почувствовала» цвета в глубине базы:

Оранжево-красный Олега полыхал огнем, ледяная синева Силь несла дозор, серебристо-белый цвет Пелы запирал замки, а нежно-зелёный Линкс излучал возбуждение...

И где-то в еще более далёком углу, в тщательно охраняемом месте, которого она еще не касалась — бело-золотой.

Подобно подавленной звезде, подобно ожидающему оттепели леднику, подобно стене, за которой еще не пролетала бабочка.

— Броня, — пробормотала Сэй.

В каком-то недоступном измерении проступила новая цепочка символов:

****«Глава 15. Конец»****

****«Глава 16. Разблокировано достижение: Секрет под скальпелем»****

****«Анонс следующей главы: Рациональный расчет Сварога»****

Сэй моргнула.

Символы исчезли.

Но она знала: кто-то или что-то вело летопись её пути.

Не Хэйта, не Наташа, не какое-то из известных ей существ.

Нечто более далёкое, более насмешливое, преисполненное «радости».

И на этот раз она улыбнулась в ту сторону, где скрылась Наташа, словно обращаясь к человеку, который только учится принимать собственную чистоту:

— Я буду осторожна. Насчет того, что вижу, и насчет того, чего видеть не следует...

В порывах ветра слышался едва уловимый звук, похожий то ли на вздох, то ли на смешок:

— ...А также насчет того, почему ветер стал сладким.

<http://bllate.org/book/19707/1938017>